

Мне представилось, что я — дом. Старый, заброшенный, с бьющимися на ветру ставнями, разбитыми стеклами и мусором, свободно гуляющим по пустынным комнатам. Друзья исчезли так же быстро, как сыпается со стен потрескавшаяся штукатурка. Потом посыпались кирпичи — жена и дети... А все потому, что мой бизнес, дав трещину, рухнул. Я, как говорят, прогорел и погряз в долгах. Расплатившись с кредиторами, а для этого пришлось продать не только бизнес со всем оборудованием, но и часть недвижимости, которую удалось отсудить в неравном бою, при разводе, я оказался в съемной квартире, в самом захолустном районе города.

Нашел работу на складе супермаркета средней руки. Этих денег едва хватало на оплату счетов и еду. Я был непривередлив. Оказалось, что могу обходиться малым. И такое положение дел меня не пугало. Сломало другое — предательство. Только сейчас я честно осознал, что нужен был другим лишь из-за денег — и жене, и детям, и друзьям.

А были ли они — друзья? Я переживал, первое время изводил себя вопросами. Потом мой мозг, видимо, устал, и пришло отупение. Сделалось тошно, и выхода из этого внутреннего ада я не находил.

Иногда мне казалось, что если бы я пил, то смог бы хоть как-то расслабиться и примириться. Но, увы, я совсем не пил. Друзья часто спрашивали, как я расслабляюсь и расслабляюсь ли вообще? На это я всегда отвечал шуткой, что просто не напрягаюсь.

А сегодня, после тяжелого дня, я намеренно купил вина. Самого дешевого, в картонной коробке. С картинки на меня призывно глядела восточная красавица с яркой гроздьё винограда на фоне голубых гор. Ее взгляд, наверное, должен был мне сказать о том блаженстве, которое я получу, вкусив нектар содержимого коробки. И я налил полную кружку. Чтобы опьянеть, мне хватило четыре больших глотка. В голове зашумело, потом сделалось легко и мне захотелось улыбнуться. Но улыбаться было некому. Хотя... Передо мной, на захламленном столе, среди немытых тарелок, сидел мой старинный дружок — вязаный, шерстяной мишка. Он был чуть больше ладони, с болтающимися, длинными лапками, лобастой головой и смешными, несурраз-

ными глазками-пуговками, с любовью смотрящими на меня вот уже больше тридцати лет. Моя бабушка связала на спицах это сокровище из остатков пряжи тускло-коричневого цвета. Я сразу полюбил его. И все эти годы стеснялся своей любви. Считал его своим другом, и все, что не мог рассказывать другим, поверял своему Михасику. Единственный раз в жизни поделился этим секретом с женой. Она поджала губы, и я понял, что больше никогда и никому не расскажу об этом. Но Михасик всегда был рядом со мной. Во всех путешествиях и поездках он уютно сидел во внутреннем кармане пиджака. И его присутствие много раз спасало меня от неверных и опрометчивых шагов.

Разговаривали мы обычно в машине. Здесь нас никто не мог ни видеть, ни слышать. Я сажал его на приборную доску, и долгое время ехал молча. Потом либо я заговаривал, либо он...

— Выше нос! — говорил он с хрипотцой.

Я, слабо улыбаясь, ждал, когда пройдет ком в горле. Отматывал километраж, потом, наконец, вздыхал полной грудью.

— Чего бы нам с тобой такого перекусить? — спрашивал я.

— От суши не откажусь.

Мы заезжали в японский ресторанчик. Я выбирал закрытую кабинку, мы пообедали с Михасиком и беседовали о том, о сем. Долгие годы он был единственным верным другом. А сейчас сидит среди тарелок, молчаливо наблюдая, как я пьянею от дешевого вина и пытаюсь заглушить накатившее чувство безысходности.

На крохотной кухоньке, в которой помещались холодильник и тумба для посуды, служившая одновременно и обеденным столом, стояла тишина. Здесь даже не было часов. Я уверен, были бы часы, их тиканье составило бы нам с Михасиком компанию, и я не решился бы на отчаянный шаг. Но ничто не тикало и даже не скрипело. И даже не было шума за окном. Потому что на такой высоте, а у меня был двадцать девятый этаж, не слышно не только детских голосов, но и шума большого города. Впрочем, и детей-то во дворе не было никогда. Да и двора, как такового, тоже. Все стерильно, гладко, как того требуют устои цивилизации и наш высокотехнологичный век.

Я слышал только звуки, издаваемые собственным носом. В этих звуках слышалось что-то северное, метельное, с подвыванием и отдаленным плачем потерянного младенца. Этим младенцем я и был сейчас. Брошенный, никому не нужный, одинокий. Мне сделалось себя безмерно жаль. Подвывание становилось громче и из носа уже предательски перебиралось в горло, заставляя голосовые связки подрагивать нервной струной. Я понял, что вино не спасает. Что от него сделалось еще горше и невыносимее. Я схватил почти полную коробку с намерением затолкнуть ее в мусорное ведро, но что-то остановило мой взгляд. На торце коробки сияющей строкой появлялась и исчезала призывная надпись — ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ!

Несколько долгих минут я тупо смотрел на рекламу, пытаюсь уловить смысл. По отдельности я понимал каждое слово. Но вместе они долго не приживались в моей, порядком расстроенной, голове. Видимо, я сильно отстал от жизни с ее быстро меняющимися канонами. И нормальная дружба, к которой я привык с детства, считалась уже устаревшей. А вот дружба за деньги... Секс за деньги мне был более привычен. Реклама, кстати, была не из дешевых. На копеечной коробке вина встроенная смарт-пленка, с видео самого лучшего разрешения. Я коснулся пленки, и тишину кухни прорезал громкий звук призывной мелодии.

ТРАМ-М-М-М-М...

ВЫ ОДИНОКИ?

ВАС БРОСИЛИ ДРУЗЬЯ? ЖЕНА? ДЕТИ?

ВЫ КУПИЛИ ДЕШЕВОГО ВИНА, ЧТОБЫ ЗАЛИТЬ СВОИ ГОРЕСТИ?

МЫ ГОТОВЫ ПРИЙТИ НА ПОМОЩЬ!

НАША ФИРМА «ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ» К ВАШИМ УСЛУГАМ.

В рекламном ролике замелькали люди. Кто-то стоял у края моста, другой, сидя за столиком кафе, с тоской смотрел на прохожих. Молодая девушка с отчаянием в глазах глядела вниз с крыши небоскреба. Но тут... Трагичную мелодию сменяют трубные звуки оптимизма. И у моста останавливается автомобиль, в кафе звонит дверной колокольчик, у девушки в сумочке оживает телефон.

НАШ ДРУГ СПАСЕТ ВАС В ЛЮБОЙ СИТУАЦИИ.

ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ, ОТКРЫВ БЫСТРЫЙ КРЕДИТ В БАНКЕ ВСЕГО ЛИШЬ ОДНИМ КАСАНИЕМ СКАН-ОТПЕЧАТКА, И МЫ СПАСЕМ ВАС ОТ ОДИНОЧЕСТВА РАЗ И НАВСЕГДА!

На экране появился скан-отпечаток. Это новшество вошло в нашу жизнь сравнительно недавно. В супермаркете был целый отдел, где покупатели, прошедшие добровольную скан-адаптацию, уже вовсю пользовались подобной услугой. Необходимо было всего лишь коснуться средним пальцем левой руки специальной платежной панели, и со счета списывалась сумма за совершенные покупки. Я упрямо не желал пользоваться подобным новшеством, хотя, как и все, вынужден был пройти процедуру «добровольной скан-адаптации», иначе мог столкнуться с непреодолимыми препятствиями во взаимодействии с социальной средой. Старался обходиться обычной банковской картой, но сейчас...

Девушка стоявшая на краю небоскреба, окончательно сломила мою нерешительность. А может, и выпитое вино сыграло роль. Я поглядел в глаза Михасику. В его взгляде затаился страх. Видимо, он не хотел, чтобы я ввязывался в эту историю. Но мой палец уже ощутил едва уловимую прохладу смарт-пленки.

ТРАММ-М-М-М...

БЫСТРЫЙ КРЕДИТ, В ПЯТЬ ПРОЦЕНТОВ ГОДОВЫХ, ОФОРМЛЕН.

ТЕПЕРЬ ВЫ КЛИЕНТ НАШЕЙ ФИРМЫ.

ЖДИТЕ ЗВОНКА.

Дзи-и-и-инь...

От неожиданности я едва не выронил телефон.

— Алло! — услышал я свой хриплый голос.

— Благодарим вас за сотрудничество!

Женский голос звучал нежно и как-то уютно. Я весь превратился в слух.

— Наш сотрудник уже выслан по вашему адресу. Со своей стороны, мы гарантируем качество и полный комплект услуг, в который входит: А — душевная беседа, В — веселые истории, С — возможность клиента выговориться. А это прекрасная возможность сэкономить на психологе. И, наконец, D — танцы. От вас требуется — не удивляться и принять нашего сотрудника таким, какой он есть. Желаем провести приятный вечер в компании друга!

Я окинул взглядом кухню и увидел малоприятную картину. Захламленный стол, куча немойтой посуды и переполненное мусорное ведро. Вечер стремительно приближался. «Друг» мог нагряться с минуты на минуту. Я кинулся спасать ситуацию. Быстро перемыл посуду, расчистил тумбу, смел мусор в мешок и подумал, что еще успею вынести его в контейнер.

Накинув куртку, как был, в домашних тапочках, кинулся к лифту. В кабине включил третью-эвакуационную и через минуту был на первом этаже. Легкое подташнивание после подобного спуска резко исчезло, когда, открыв подъездную дверь, я столкнулся с незнакомым мужчиной, улыбавшимся мне во весь рот.

— Добрый вечер!

Произнес он это не просто вежливо, но и как-то радостно. Словно, я бы даже сказал, старинному другу. Словно мы не виделись лет десять и тут, раз, и встретились.

— Добрый вечер! — ответил я.

Он протянул мне раскрытую ладонь. Пожимая его руку, я все же решил уточнить:

— Вы кто?..

— Я — друг, — ответил он, не переставая улыбаться.

— Очень приятно! Спасибо, что пришли! Я вот только мусор... — кивнул я на ведро.

Он неопределенно развел руками и вежливо поклонился. Я направился к мусорному контейнеру, «друг» последовал за мной. Только теперь я заметил, что он не совсем трезв. Его походка была комична. Он двигался словно в ритме танго. При этом ноги двигались не параллельно, а как-то в стороны, с выдвинутыми наружу носками. Да и одет он был не менее комично — старые коротковатые треники на длинных, костлявых ногах, стоптанные летние сандалии, сквозь которые просвечивали зеленые, дырявые носки. Сверху была довольно теплая, скорее, зимняя куртка нараспашку, под которой моталась майка неопределенного цвета. На лице играла счастливая, без переднего зуба, улыбка. Всклоченные волосы и недельная небритость на впалых щеках.

Я решил ничему не удивляться. Выбросил мешок, отряхнул руки и, обернувшись, улыбнулся. Но с удивлением обнаружил, что «друг», не дождавшись меня, удаляется, еще немного, скроется из виду.

— Эй! — крикнул я. — Друг!

Либо он не услышал, либо был упрям, так как не обернулся. Во мне разыгрались разные чувства. И больше всего стало жаль пяти процентов годовых. Я, как был, в домашних тапочках, с мусорным ведром в руке, помчался догонять его. Едва отыскал затерявшегося среди прохожих, шагавшего в ритме танго пьяного «друга». Он направлялся в бар на углу, под названием «Дай пять».

За барной стойкой я занял место рядом с ним и стыдливо задвинул ведро за столешницу. «Друг», продолжая улыбаться, но уже не мне, а бармену, заказал водки. Потом, посмотрев на меня, заказал вторую рюмку.

«Хорошо, — подумал я, — пойдем по такому сценарию».

— Ну, как жизнь молодая? — спросил он меня и подтолкнул жестом, предлагая выпить.

И я выпил. Сразу, одним махом. Пару минут восстанавливал дыхание, анализируя новые ощущения, происходящие в моей голове. Несмотря на то, что в голове стало легче, что-то дернуло меня произнести:

— Хреново!

— Никогда не понимал, как жизнь может быть хреновой.

— Разве тебе никогда не было хреново?

— С моим именем человеку не может быть хреново.

— И как тебя зовут?

— Рио.

Он глядел на меня влажными, любящими глазами и ждал реакцию, но я ничего не ответил. Тогда он сказал:

— Понимаешь, для того, чтобы жизнь не была хреновой, надо хоть кого-то любить. Кого ты любишь? Где тот, кого ты любишь?

Осознав его вопрос, я готов был тут же разрыдаться. Он хватанул меня по самому больному. По всей моей пустой, никчемной жизни. Кого я люблю? Есть хоть одно существо на земле, к которому бы тянулось мое сердце? Мне захотелось крикнуть самому себе — нет у меня никого. Мне некого любить! Но в этот момент рука сама собой потянулась к внутреннему карману куртки, где всегда, неизменно, «жил» Михасик — мой несуразный, потрепанный временем, но такой близкий и родной. Я сунул руку в карман и похолодел. Карман был пуст. В голову закралась очень нехорошая догадка. Перед внутренним взором ясно видел кухонный стол, с которого смел все содержимое в мусорный мешок. В суете, под руку попал и Михасик. Неужели я выбросил его, вместе с мусором?! Моего Михасика! Моего единственного друга!

Я вскочил и, ничего не объясняя, выбежал из бара.

— Ты куда, друг? — донеслось до меня, но я уже мчался, едва не теряя тапки, в свой двор, к контейнеру с мусором.

Контейнер был пуст! Пуст, как моя голова в эту минуту. Я стоял ошеломленный, в прострации, и даже не пытался что-либо предпринять.

— Эй! — услышал я за спиной. — Ты ведро забыл.

Я медленно обернулся и обреченно посмотрел на подошедшего «друга». Он протягивал мне мое чертовое мусорное ведро. Будь оно неладно! Зачем мне понадобилось выбрасывать мусор именно сегодня?

— Это все из-за тебя! — выпалил я в горячке.

У «друга» даже не изменилось выражение лица. Он по-прежнему смотрел на меня влажными, любящими глазами. И в этот миг мне хотелось его убить. И за его взгляд, и за то, что именно из-за него я безвозвратно потерял своего Михасика.

— Зачем ты вообще пришел! Кто тебя просил! — продолжал я выкрикивать совершенно бессмысленные обвинения, словно обиженный мальчонка, у которого сломали его любимую игрушку.

Рио, видимо, не сразу понял, что я на него ору, совершенно забыв, что он всего лишь сотрудник фирмы, играющей определенную роль. Он производил впечатление оторванного от реальной жизни человека, живущего в выдуманных мирах. Он улыбался, а я кричал. Постепенно до него стало что-то доходить. Улыбка медленно потускнела, лишь взгляд пьяненьких, влажных глаз продолжал светиться теплом. Я не мог понять, играл он в этот момент роль или был искренен.

Он медленно опустил ведро у моих ног и, вздохнув, пошел прочь. И эта его походка с вывернутыми наружу носками, в драных сандалиях, и куртка, висевшая комичным шаром над худыми ногами в трениках, весь его несуразный, пьяненький вид, обрушились на меня в немом онемении. Мне сделалось его жаль. Стало стыдно за свое поведение.

— Эй!.. Рио, стой!

Я побежал за ним, забыв о ведре. Догнал, и мы пошли вместе, среди спешащих прохожих, старающихся не глядеть на двух пьяных субъектов, отличающихся своим видом от нормальной, социально-благополучной публики.

Постепенно я все ему рассказал. Всю свою жизнь, взлет и падение, от которого, увы, уже не могу оправиться. Поначалу он слушал почти отстраненно, не то чтобы из-за обиды, по-моему такие люди не способны обижаться, а просто потому, что ему было это не интересно. Бизнес, друзья, жена... Но, когда я рассказал про Михасика, он резко остановился и внимательно взгляделся в мои глаза. Что он там хотел увидеть? Не сошел ли я с ума? А может, пытался определить, не вру ли я? Потому что ему важна была сейчас именно моя правда. Правда о моей несуразной дружбе... с самим собой. И, кажется, он увидел именно то, что хотел увидеть.

— Идем! — решительно произнес он, и мы пошли на автобусную остановку.

Автобус доехал до конечной остановки, и мы вышли. Здесь город заканчивался. Дальше простирались холмистые поля городской свалки. В наступающих сумерках живописно курились дымки, и если бы не запах слежавшихся отходов, их можно было принять за дым печных труб. Странно было видеть подобный пейзаж на фоне сливающихся с небом и сияющих огнями башен мегаполиса. Время здесь остановилось. Современные технологии, как ни странно, не коснулись такой важной отрасли, как переработка мусора. В чем-то человечество достигло немислимых высот, но здесь все оставалось по-прежнему. Сновали мусорные машины среди прессованных стен из отходов человеческой деятельности.

Я уже понял, зачем Рио привез меня сюда. Но, окинув взором бескрайние просторы, я впал в отчаяние. Разве можно здесь разыскать Михасика!

Рио повел меня сквозь узкие коридоры, стены которых были возведены из тюков мусора. Они возвышались над нами, словно стены древнего города. Коридоры раз-

дваивались, сходились на перекрестках, заканчивались тупиками. Но Рио уверенно вел меня сквозь этот странный, с тяжелым духом, лабиринт в известном только ему направлении.

Вскоре мы вышли к гаражу со святающимся окошком. Окончательно стемнело. Рио постучал в железную дверь и открыл ее. Сразу у входа, за прозрачным стеклом, располагалась конторка с пультом связи. В глубине виднелся диван и стол. Все стены были сплошь заставлены книжными полками. Книг было так много, что они лежали и на полу, и рядом с диваном, и на узеньком подоконнике у окошка. И это походило скорее на библиотеку, нежели на контору фирмы по утилизации мусора.

У дальней стены виднелся раскрытый двухстворчатый шкаф с подсветкой изнутри. Присмотревшись, я понял, что это встроенная кухня. На узенькой плите что-то булькало в маленькой кастрюльке. Закипевший чайник, издав мелодичный звук, щелкнул и затих. На полочках располагались банки с кофе, чаем и консервы. Похоже, в этом гараже можно и жить и работать. Да еще и собственная библиотека под рукой. Хотя кто сейчас читает?..

За нами скрипнула дверь. На пороге я увидел девушку. Небольшого роста, в сереньком платье в мелкий, белый цветочек. На голове голубая косынка, сдерживающая темную копну волос. Ее лицо озаряла открытая улыбка, которая тут же сникла, как только она заметила меня. У нее было что-то в руке, но она быстро спрятала это за спину. В первое мгновение я готов был поклясться, что это мой Михасик. Я мог бы узнать его несуразный силуэт даже в сумерках. Но этого не могло же быть...

Девушка явно испугалась меня. Рио подошел к ней и взял за плечи:

— Не бойся, Соня, это мой друг. Он потерял одну очень важную для него вещь. Нужно помочь.

Соня перестала бояться, но упорно смотрела в пол и вообще вела себя несколько скованно. И, проходя мимо, как-то вся сжималась, стараясь стать незаметной.

Она подошла к кухоньке, достала с полки чашки и налила нам чай, даже не поинтересовавшись, хотим ли мы.

— Сейчас уже темно. Начнем поиски на рассвете,— сказал Рио, приглашая жестом присесть на диван.

Подав нам чашки с чаем, Соня скрылась за кухонной стойкой, видимо, там был маленький стульчик. Не будет же она сидеть на полу,— подумал я.

Я тоже почувствовал себя неловко. Пил большими глотками обжигающе-горячий чай — после вина и водки, мучила жажда — и разглядывал полки с книгами.

— А это?..— указал я головой на книги.

— Соня собирает. Книг много выбрасывают. У меня, в гараже, тоже все заставлено.

— В гараже?

— Да. Я живу там, неподалеку. А так, Соне помогаю.

— Ты здесь работаешь?

— И здесь, тоже.

— А, ну да...

Я неопределенно хмыкнул. Может, в той фирме «Дружба за деньги» не так много платят? Хотя с меня взяли серьезную сумму. Расплачиваться год, да еще с процентами.

Наконец, я стал задумываться над всем, что сегодня со мной приключилось. Дурман в голове рассеялся, и я вдруг осознал всю несуразность ситуации. За этот день, я успел совершить много глупостей. Пустился в какую-то идиотскую авантюру. Там, в этой фирме, видимо, еще те креативщики, раз прислали такого странного типа. По сути, он же обыкновенный пьянчуга. Выглядит, как бродяга, да еще и живет в гараже. А если бы не пропажа Михасика, как бы он стал «дружить» со мной? Как бы выполнял условия, обещанные фирмой? Вел бы психологические беседы за барной стойкой? Так, что ли? Боже, в какую нелепицу я впутался! Сiju в самом центре

свалки и пью чай со странными людьми. Рио вечно улыбается сам себе, а эта Соня... тушуетя, словно, у нее аутизм в самой глубокой форме.

— Ты не переживай. Мы отыщем его,— ободряюще кивнул Рио, видя как я сник.

И Михасик... Надо же было такому случиться! Я не мог себя простить. Все мог забыть или потерять, но он всегда был рядом, во всех жизненных перипетиях. Он — некая ниточка к самому себе, со своим я, которое многие теряют, замещают тем, что насильно впихивает в нас цивилизация — эта ненасытная машина, породившая сама себя и пожирающая себя же. В этой мясорубке только Михасик и спасал. Глазки-пуговики. Стоит взглянуть и, вот он — я, и мир передо мной очищается. А сейчас лежит он где-то, вмурованный в стены мусора, сложенный в три погибели среди отходов, среди блевотины цивилизации и ждет часа, когда она его выплюнет. Освободится еще от одной крошечной помехи, чтобы заместить это место своей пустотой.

— Как ты себе представляешь поиски? Это же иголка в стоге сена?

Меня раздражало какое-то отстраненное спокойствие Рио. И эта Соня, прячущаяся за стойкой...

— Да найдем,— просто ответил мой «друг».— Тут все по системе. Новый привоз находится в нулевом секторе. Сортировку начинают в шесть утра. А мы в четыре подойдем.

— Зачем ей столько книг? — спросил я, оглядывая полки.

— Ей их жалко. Сейчас все от книг избавляются. А Соне кажется, что они живые. Я ей отовсюду их таскаю.

— И что, она все это читает?

— Конечно! Соня говорит, что если книгу не читать, та умереть может.

От этих слов у меня внутри что-то задрожало. Я почувствовал в нас какое-то странное родство. Она книги оживляет, я — Михасика. Но я тут же осадил себя. Может, я и не такой, как все, но не до такой же степени!

— А она, что, так и будет там сидеть?

Рио подошел к стойке, перегнулся и что-то долго и тихо говорил Соне. За окном совсем стемнело. Скорее бы рассвет. Мне не терпелось найти Михасика, исчезнуть отсюда и, вообще, исчезнуть из всей этой странной истории.

Мы переночевали в гараже Рио. Там было тепло из-за книг, которые штабелями выстроились вдоль стен. Было еще совсем темно, когда Рио разбудил меня, и мы направились в нулевой сектор. Располагался он в самом начале свалки, и нам вновь пришлось идти сквозь затхлые коридоры мусора.

Открытая площадка нулевой зоны состояла из трех секторов. На красном покрытии громоздилась гора черных мешков, на синем — гора белых, а на желтом — гора зеленых. Мусор сортировали сами жильцы. Я помнил, что скинул весь мусор в черный мешок, совершенно не озаботившись таким «благородным» занятием цивилизованного человека как сортировка.

Подойдя к красной зоне и задрав голову вверх, я с грустью оценил объем предстоящей работы. Пока я стоял, не зная с чего начать, Рио успел раздобыть два железных багра.

— Мусор ближе к вечеру забирали. Наверху он,— сказал Рио и принялся карабкаться наверх.

Я последовал за ним. В черных мешках находилось все то, что не являлось ни стеклом, ни пластиком. В основном, это были остатки еды, поэтому здесь невероятно смердело. Я наткнулся на обглоданные куриные кости, куски хлеба, лимонные корки вперемешку с кофейной гущей и яичной скорлупой. Упаковки от лекарств, клочки желтой и розовой самоклеющейся бумаги, которую, обычно, лепят на холодильник, с надписями, вроде — не забыть оплатить счета.

Меня мучило от запаха, от того, что нормально не ел со вчерашнего дня, от выпитого вчера же. Мучило от недосыпа, от мысли, что не смогу разыскать Михасика,

от идиотизма всей ситуации, и от самого себя — несуразного идиота, не способного на нормальную жизнь, среднестатистического гражданина, исправно оплачивающего счета и не нарушающего законы.

Я откидывал проверенные мешки один за другим, и яростно втыкал багор в очередное надутое черное тело. И нашел! Это был мой мусор. Сейчас он мне казался таким родным и близким! Кофейная чашка, которую нечаянно задел локтем накануне, слабо мерцала во тьме. Я любил пить из нее кофе. И когда выбрасывал расколотую напополам, жалел, как самого себя. Словно не чашку выбрасывал, а нечто большее — воспоминание уюта, которого у меня так давно уже не было.

Я на секунду даже забыл о Михасике. Держал черепок чашки за ручку и жалел себя. Перебирал в уме картины своей никчемной жизни и ком к горлу подкатывал. И никого-то у меня в этом мире, кроме Михасика...

Я запустил руки в мешок, принялся в нем копать, выбрасывать. Но Михасика не было. В пакете зияла дыра.

Рио заметил мое возбуждение и перебрался поближе.

— Кто принимает мусор? — спросил я, уже заведомо зная ответ.

— Соня. Она вообще-то не обязана сюда приходить.

— Так зачем же она?..

— В прессованном мусоре книги уже не спасти.

Я со злостью отбросил багор в сторону и, сбегая по мешкам, едва не скатился вниз. Теперь я точно был уверен, что вчера, когда впервые увидел Соню, в ее руке был Михасик. Как такое могло произойти?! Почему она, роясь в мусоре в поисках своей чертовой, бесполезной макулатуры нашла Михасика и взяла его себе? Вернее, не взяла, а забрала. Нет, даже не «забрала», а нагло украла.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове, пока я плутал лабиринтами коридоров, отыскивая ангар. Рио смиренно шагал следом. Я чувствовал, что он как-то притих. Он и раньше не особо разговорчив был, но сейчас вел себя странно. Словно был пойман на краже.

Я резко остановился, повернулся к нему.

— А ты ведь еще вчера знал, что Михасик у нее! Ведь знал?

— Прости, я пытался ей объяснить... Но она, не такая, понимаешь?..

— Какая — не такая? Именно, такая! Она украла! Она воровка! — я совсем разошелся.

— Нет, ты не понял.

Рио как-то даже ниже ростом стал. Смотрел на меня с испугом, едва не заискивая. Взял меня за плечи, а у самого в глазах и мольба, и чуть ли не слезы.

— Ей нельзя, понимаешь, нельзя нервничать. Она боится тебя. Она всех боится!

Но я уже не слушал. Я с силой распахнул железную дверь ангара, ворвался внутрь. Мне и искать-то не пришлось. Соня сидела на диване. В одной руке раскрытая книга, в другой — Михасик. Первое мгновение мне показалось, что это не она читает, а он. В такой комичной позе он сидел, склонившись над книгой, что будь я немного спокойнее, рассмеялся бы. И, может быть, это спасло и Соню, и Рио...

Но я налетел, не дав ей осознать, что происходит. Вырвал из ее рук Михасика, сунул во внутренний карман куртки, гаркнул на нее, оттолкнул подоспевшего Рио и выбежал из ангара.

2

В моем детстве часы тикали. Тик-так, тик-так... Вечереет. За окном снег и фонари, один за другим постепенно разгораются, придавая синему снегу оранжевую теплоту. Тик-так, тик-так... Я забирался на кресло с ногами, смотрел в окно, ждал родителей с работы. Тик-так, тик-так... С часами я был не один. Михасика тогда еще не было. Но были мама, папа, бабушка, дядя, тетя и дни рождения, и Новые годы...

Тик-так, тик... Так хотелось сейчас услышать этот умиротворяющий звук. Но в современных жилищах стерильная тишина. Я сижу на стуле, Михасик на тумбочке. Мы глядим в глаза друг другу. Михасик — глазки-пуговики. Если бы вы могли видеть этот пронзительный взгляд, вы бы поняли меня! Вы?.. Кто эти — вы, я не знал. К кому я обращался сейчас?

Я пытался говорить с Михасиком, но он упорно молчал. Впервые в жизни он не хотел говорить со мной.

— Почему ты молчишь? Обиделся? Ага! Я понял, это из-за нее. Она уже успела перетянуть тебя на свою сторону. Нечего сказать, хорош друг! Быстро ты переметнулся.

Мне нужно было на работу. У меня еще была надежда, что вечером Михасик простит меня. Но и вечером, и на следующий день, и все последующие дни он упрямо молчал. И мне стало невыносимо. Я не знал, куда деть себя. Нет, не себя, а того, кто внутри меня уже выль во всю глотку от одиночества. Выл так громко, что ни одно ухо не способно было уловить этот звук.

Раньше городские фонари светили оранжевым. Оттого и зима, наверное, казалась теплее. Сейчас над прохожими планируют светящиеся ленты. Холодный, синий свет жалит глаза, поэтому на улице я никогда не смотрю вверх. И на встречные машины тоже. Их фары в любое время дня и ночи, в любую погоду прорезают пространство режущими лучами. И человеку среди всех этих нематериальных лучей все меньше и меньше места.

Я брел по промозглой улице, глядя под ноги, пытаюсь отогнать мрачные мысли. Внутри меня находились двое, а может, и трое. Каждый пытался занять доминирующее положение, убеждая в своей реальности. Один утверждал, что я болен, что с каждым днем теряю связь с реальностью. И это чревато печальным последствием. Другой твердил, чтобы я не слушал первого, что моя внутренняя жизнь гораздо реальнее. Моя дружба с Михасиком и есть нормальность. А вот то, в чем мне приходится жить, вернее, выживать, это, как раз, и есть — бред сумасшедшего. Третий сидел во внутреннем кармане куртки и продолжал упрямо молчать. Но я-то чувствовал, чего он хочет. Уж Михасика я знал, как самого себя. А он все эти дни не переставал думать о Соне.

Несмотря на то, что я не смотрел, куда иду, ноги сами привели к остановке. Я сел в автобус и поехал на окраину города к свалке. Было уже совсем темно, когда я подошел к светящемуся окошку ангара и решительно постучал. Мне открыл незнакомый мужчина с кружкой чая в одной руке и бутербродом в другой. На его лице отразилось раздражение, когда же он лучше рассмотрел меня, оно сменилось удивлением.

— Простите, я ищу девушку, которая здесь работает.

— Еще один! Вам всем, явно, делать нечего, бездельники! Пошел прочь! Один стекло выбил, теперь другой на ночь глядя. Я и тебе психушку вызову!

Он с силой закрыл железную дверь. Я пару минут стоял оглушенный. То ли грохотом, то ли его неожиданным натиском. Пытался переварить информацию. Одно я понял точно — второй раз стучать в эту дверь не следует.

Я потоптался немного на месте, потом, осторожно приподнявшись на цыпочках, заглянул в окно. Первое, что бросилось в глаза, — полное отсутствие книг. Холодок прошел по спине. В моем сознании Соня и книги сплывались в единый образ. А теперь книг не было, а значит, и Сони.

Я вспомнил последнюю фразу охранника:

— Я и тебе вызову психушку.

Это «и тебе» говорило только об одном — психушку он уже вызывал. И чувствовало мое сердце, что не для Рио. Того, скорее, полиция забрала, за выбитое стекло, а почему он выбил стекло? Из-за Сони, которую забрали в психушку. Все эти выводы я делал уже на бегу к остановке. Я еще не до конца осознавал, что намерен делать, но одно знал точно. Я должен разыскать Соню.

На следующее утро я направился по найденным в поисковике адресам. Заведений для душевнобольных в нашем городе было три. Все находились на окраинах города. И этот факт несколько сближал их с городской свалкой.

За городом лежал снег. Его было не так много, и он норовил растаять к обеду. Бледное солнце несмело коснулось серых холмиков и все ожило. Это был настоящий, белый снег. И я невольно улыбнулся. Как давно я не видел снега! Шагая по дорожке парка, я намеренно выискивал нехоженный, ровный участок. В детстве я оставлял отпечатки ботинка, останавливался и долго разглядывал четкие углубления с бороздками от подошвы. Мне захотелось показать снег Михасику. Но он упрямылся, не желая радоваться вместе со мной. Я прямо-таки чувствовал его беспокойство о Соне и даже — любовь.

«Странный ты, Михасик! Впрочем, и она... Вот, в психушку уекли. Значит, есть за что». Так я думал. Вернее, так я заставлял себя думать. Потому что это правильно. Именно так должны рассуждать нормальные люди. А сейчас я должен быть нормальным. По крайней мере, выглядеть, как все. А для этого и мысли должны быть, как у всех. Иначе меня не пустят к ней.

Мне невероятно повезло. Соня была здесь. Доктор, принявший меня, принялся зачитывать историю ее болезни.

— Пять дней назад поступила пациентка — Соня Адамова. Абиулия, десоциализация, утрата социальных связей. Эмоциональная индифферентность. Полное отсутствие инициативы. Возможно, связано с передозировкой антипсихотических препаратов. Девушка наблюдается с малых лет. Еще в дошкольном возрасте «общалась» с так называемыми «невидимками». Несмотря на это, школу закончила с отличием. Обладает феноменальной памятью. Но о поступлении в высшие учебные заведения состоящих на учете в психдиспансере речи быть не может.

Он снял очки. Устало вздохнул, протер глаза и произнес:

— Поэтому и работала диспетчером на одной из городских свалок. Так что, сами понимаете... А вы ей кто будете? Друг? Одного друга мы уже в полицию отправили. Устроил тут, видите ли, справедливый бунт. Требовал отпустить. Еще немного, перегнул бы палку, самого бы посадили на нейролептики. Но держать нам ее тут резона нет. Замкнутость и апатия у нее здесь не пройдут. Наоборот, усугубятся. У нее только два пути отсюда — интернат для неизлечимых, либо оформление опеки родственниками.

Доктор долго смотрел на меня, явно ожидая какой-то реакции. Но я молчал. Я все еще пытался уложить в голове историю Сони. Себя понять. Что я в этой истории? Кто я? Зачем мне все это?

— Но родственников у нее нет. Ее с детства растили бабушка с дедушкой. Мать покончила с собой, когда Соне едва четыре года исполнилось. Видите ли, я очень хорошо знаю Соню. Ко мне ее и привели в детстве. Бабушка рассказала, что мама Сони, прежде чем вскрыть себе вены, положила в кроватку дочки игрушечного медведя. Вот Соня с ним и общалась, несколько дней, пока соседи полицию не вызвали. Родители мамы Соню к себе забрали, а медведя выбросили. Очень уж их пугала привязанность ребенка к игрушке. Тем самым они и совершили роковую ошибку в судьбе девочки. Если бы не выбросили, может, мне и удалось бы ее «вытянуть», но она с тех пор «поселила» его у себя внутри. Я не всегда ее доктором был. Ее и другие лечили. Так уж!.. А теперь, вот что я вам скажу. Раз уж пришли, давайте-ка свой номер. У меня есть все полномочия оформить на вас опекунство. Ей еще жить и жить. А здесь ее залечат. Вот так, я вам и скажу...

Так мы оказались с Соней вместе. Я хожу на работу, а она с Михасиком дома. Молчит все время. Смотрит в одну точку, но Михасика из рук не выпускает. А я, в общем-то, не против. Потому что, Михасик, хоть и продолжает играть со мной в молчанку, но зато слушать стал.

Вернувшись с работы, я готовлю нехитрый ужин. А потом мы сидим втроем на диване. Соня, в ее руке крепко зажат Михасик, и я рядом. Вспоминаю что-то из детства. Михасик слушает, да и Соня иногда повернет голову и долго-долго на меня смотрит. И иногда в ее взгляде промелькивают искорки жизни. Еще немного и вернется... Мне хочется, чтобы она вернулась. Не обязательно в этот мир, но хотя бы в мой, в наш с Михасиком.

Как-то после ужина я собрался выбросить мусор. Открыв дверь подъезда, едва не столкнулся с Рио. Он по-прежнему был одет в свою несуразную куртку, треники и сандалии. И все та же улыбка играла на его лице.

— Рио!

До чего же я был ему рад!

— Там доктор сказал, что Соня у тебя. Я ее книги принес.

Я увидел в его руках длинные перевязи с книгами. Так их носили, наверное, только в начале двадцатого столетия.

— Это те самые?

— Да. Здесь не все. Их после того, как Соню забрали, а меня в полицию увезли, все выкинули. Потом меня отпустили. А когда я к Соне в клинику приехал, они меня снова забрали и уже долго не отпускали. А Соню за это время выписали. Вот я и потерял ее. Не говорят, где, и все... Пока я доктора того не встретил. Он-то мне и сказал, что Соня у тебя. А книги я все собрал, подчистую. В одном надежном месте спрятал. Как она?

— Молчит.

Мы направились к мусорке.

— А ведь это я во всем виноват,— сказал я.

— В чем? — Рио, явно, не понимал меня.

— В том, что Соня сейчас в таком состоянии. Наорал на нее, Михасика забрал... Ведь ты предупреждал меня. Вот и осталась она без работы. Да и ты... Где сейчас живешь?

— Отличное место! Давай Соню туда отвезем. Ей понравится.

Рио оживился, вдохновленный своей идеей. Мы договорились устроить для нее сюрприз на выходных. Рио объяснил, на какой автобус садиться и куда ехать. А на остановке он нас встретит.

Настала суббота. Я одел Соню и сказал, что мы едем на прогулку. Соня взяла Михасика, вернее,— взялась за него. Так это выглядело на самом деле. Хоть он и был с мою ладонь, и держала она его в своей руке, но выглядело так, словно это он держал ее. И он был большой и сильный, а она маленькая и беззащитная.

Мы снова ехали на окраину, за город. И мне подумалось, что все самое важное в моей жизни происходит вдали от цивилизации. Цивилизация, постепенно, выдавливает меня из себя. Я — не прижившийся, чужеродный орган. Но больше меня это не печалило. И даже хотелось ускорить этот процесс.

На конечной нас встретил Рио. Соня прижалась к нему, и я понял, что расстаться им уже нельзя.

Здесь начинался пролесок, сквозь который шла грунтовая дорога. Вдали, на горизонте, темнел лес.

— Часа за два доберемся,— улыбаясь, сказал Рио.

Какое-то время мы шли по дороге, потом, спустившись с обочины, углубились в лес, в мерцание снега, в его зимние звуки. Соня поначалу не отпускала локоть Рио, но в лесу пошла самостоятельно. Шаг ее стал увереннее. Чем дальше от дороги, чем глубже в лес, тем быстрее она шла. Почти уже бежала впереди, задевая руками ветки, сбивая с них снег, касаясь пальцами красных гроздьев рябины. Неожиданно, споткнувшись, упала. Я подбежал, чтобы помочь, и услышал, как она слабо смеется. Лежа на спине, смотрит на верхушки огромных елей и тяжело, но счастливо дышит.

И в этот момент мне показалось, что Михасик, выглядывавший из-за пазухи ее куртки, подмигнул мне. Подоспел Рио, подал руку Соне, и они снова пошли вместе. Я увидел сквозь его драные сандалии промокшие зеленые носки...

Мы все шли и шли. А лес становился все глуше, темнее. Быстро смеркалось. Я начал побаиваться, как бы нам не остаться в темноте. Здесь не было ни осветительных лент, ни облачной рекламы, бьющей своей яркостью по глазам. Снег посинел, тени почернели. И, наконец, Рио произнес:

— Пришли!

Присмотревшись, я увидел среди деревьев неясные очертания двухэтажного дома. Мы вошли.

Дом был старый, заброшенный, с бьющими на ветру ставнями. Разбитыми стеклами и мусором, свободно гуляющим по пустынным комнатам. И лишь на втором этаже казалось теплее. Там Рио зажег старинную масляную лампу и принялся растапливать камин. Мы с Соней, осторожно поднявшись по ветхой лестнице, вошли в большую, освещенную комнату. Все стены, сверху до низу, были заставлены стеллажами с книгами. Сониными книгами.

Потом мы сидели рядом с камином за низеньким столиком и с аппетитом наслаждались угощением, приготовленным Рио, устроившим целый пир.

— Откуда все это? Колбасы, сыр, фрукты?..

В отблесках огня искрилось вино в старинных хрустальных фужерах.

— Фужеры нашел здесь, в шкафу, а еда... Место есть одно, специальное. Там все это бесплатно. Главное, прийти туда в день привоза. Тогда срок годности еще три дня. Только вот, вина хорошего там нет. Вино, оно же не портится. Поэтому...

Рио потянулся и достал с полочки у камина картонную коробку с вином, точно такую же, что когда-то купил я — с восточной красавицей и гроздью винограда на фоне голубых гор. И я вдруг вспомнил то, что уже давно вылетело из головы — «ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ!» Я рассказал об этом Рио, и мы долго смеялись.

— Никогда не понимал, как можно брать деньги за то, что земля всегда давала бесплатно,— вода, воздух, а тут теперь и дружба,— сказал Рио и разлил оставшееся вино по бокалам.

Опустевшая коробка издала тревожный предупреждающий звук. Информационная пленка загудела и осветилась ярко-красным. Так обычно появляется важная, официальная информация от службы безопасности. Я взял коробку из рук Рио и принялся читать текст, появившийся на смарт-пленке:

ВНИМАНИЕ! ДАННАЯ РЕКЛАМА НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНА.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНАЯ ГРУППА «ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ» ВЗЯТА ПОД КОНТРОЛЬ. БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!

Внутри меня что-то заклокотало и прорвалось наружу безудержным смехом. Рио и Соня смотрели какое-то время молча, а потом и сами начали хохотать. Мы держались за животы, сгибались пополам, стучали друг друга по спинам, кашляли, вытирали слезы, пытались произнести хоть что-то друг другу сквозь смех. И от этого смеялись еще сильнее.

— Пять процентов годовых! Ха-ха-ха!.. Умереть можно!..

— Дружба за деньги! — повторял Рио.

— Ты дурак! — произнесла Соня, глядя на меня. — Ты такой же дурак, как и мы.

Соня вытащила из кармана Михасика. Она откашлялась, отдышалась от смеха, и голос Михасика зазвучал тоненько, хрипло:

— Вы что, дурачки, что ли, совсем?

Я впервые в жизни услышал его настоящий голосок. Не внутри себя, а здесь, в теплой, уютной комнате, среди смеха друзей, в доме, который отныне станет нашим...

